
ВОЛЯ
№3
(35)
26 февраля 2012 года
ПОЛИТИКА
– ЭТО КАК ТЫ
ЖИВЕШЬ,
А НЕ КАК
ГОЛОСУЕШ
газета свободомыслящих людей выходит с августа 1989 года

Что сделать, чтобы протесты не затухли после 4 марта

На вопрос «Воли»: «Какой новый импульс, какую новую проблематику нужно добавить протестам, чтобы они не затухли после 4 марта?» — отвечают участники и участницы нового общественного движения, вылившегося в декабре-феврале на улицы и площади страны.

Сергей ЛУКАШЕВСКИЙ,
директор Сахаровского Центра, придерживается либеральных взглядов
(Москва)

Шествие 4 февраля продемонстрировало, что есть только две темы, которые объединяют всех собравшихся: «Даёшь честные выборы» и «Долой Путина». Последний лозунг политологически следует читать как «долой персоналистский и квазимонархический тип власти», или, используя формулировку нацболов, «долой самодержавие и престолонаследие». Думаю, что только эти темы и смогут собирать на площади десятки тысяч. Задача активистов сейчас не в том, чтобы расширить эту общую повестку дня, а в том, чтобы вовлекать новых людей, которые впервые вышли на улицы, в гражданский протест по поводу конкретных случаев. Например, Ольга Романова позвала участников движения 9 февраля прийти на суд над её мужем Алексеем Козловым. Понятно, что 100 000 не придут. Но это и не нужно. Важно, чтобы пришла 1000, а там, где раньше 1000 участников было пределом, — пришли 10 000. Необходимо осваивать и другие формы солидарного действия. Например, массовую подачу жалоб по конкретным случаям противозаконных действий. Главные слова — несправедливость и беззаконие.

Александр МАЛИНОВСКИЙ,
филолог
(Москва)

Лозунг «Долой государство!» был бы полностью поддержан мной, но, боюсь, пока ещё не всей массой протестующих. Ну, хрен с ним, ладно... Тогда хотя бы так: «Долой президента!», «Долой президентство!», «Долой президентскую республику!».

Парламент, конечно, тоже не лучший подарок московским бомжам, рабочим Нижнего Тагила и другим хорошим людям. Но всё ж с ликвидацией одной из ветвей власти дышать, как правило, становится легче. А там, глядишь, и до остальных ветвей доберёмся, — субботник даже можно устроить.

Юля БАШИНОВА,
журналист
(Москва)

Мне кажется, что протест не закиснет и не станет обыденностью, которая ничего не меняет, если от ожидания и реагирования мы перейдём к формированию повестки дня. Мы не должны ждать реакции власти. Уволит она Чурова? Снимет Путина? Проведёт перевыборы? Освободит политзаключённых? Наши действия должны стать точнее и разнообразнее митингов и шествий, оставаясь при этом ненасильственными, потому что ненасилие — это то, что работает на протестующих. Мы должны проводить такие акции, чтобы власти приходилось реагировать, причём реагировать именно выполнением требований. Возможно, для этого мы должны подойти к ней ближе. Чтобы она увидела нас и поняла, что мы не уйдём и не остановимся, пока не получим своё.

Зоя СОЛОВЬЁВА, безработная студентка
(Петербург)

Ну, нужно, чтобы у людей в массе что-то попытались отнять. Новая пенсионная или налоговая реформа.

Пётр РЯБОВ, анархист, философ,участник «Автономного действия»
(Москва)

Я думаю, что в ближайшие два месяца (март-апрель 2012 года) протестное движение почти неизбежно пойдёт на спад. Хотя этот опыт, конечно, останется на какое-то время в сознании активной части общества. И точно так же, почти неизбежно, новая и, надеюсь, более серьёзная, более мощная, осмысленная и глубокая волна протеста начнёт подниматься где-нибудь через полгода. Чтобы это предвидеть, не нужно быть пророком.

Дело в том, что на нынешней стадии и в нынешних формах уличная стихия протеста обречена. И из-за тех вождей, которые её довольно успешно оседлали и ведут торг с властью, одновременно заявляя о своей законопослушности и о ненависти к революции (как будто власть знает иной язык, кроме языка силы!). И из-за того, что «количественный» и «качественный» размах движения не настолько велик, чтобы не выдохнуться после первых месяцев эйфории. Всё-таки не очень многие города России и категории населения ещё затронуты протестами, а те, кто впервые вышел на улицу, не готовы делать это часто и с риском для себя. И, наконец, из-за того, что повестку протестов сегодня определяют, формулируют либералы и националисты, осуществляющие идейную гегемонию в движении. А национально-демократические лозунги «честных выборов» (между жуликом Прохоровым, чекистом Путиным и клоуном Жириновским) и «создания гражданской нации» — вряд ли способны победить привычную инерцию пяти шестых населения и вывести их на улицу. И я не думаю, что это плохо.

Но вскоре возникнут новые — более глубокие и важные импульсы для протестов. Прежде всего, само нынешнее государство больше, чем кто-либо, делает для своей окончательной дискредитации в глазах общества. Новая фаза мирового экономического кризиса, несомненно, скоро накроет и Россию. Кроме того, с лета начнётся новая волна антисоциальных реформ (приостановленных сейчас к выборам): летом и осенью дважды произойдёт рост тарифов на коммунальные услуги и на проезд в транспорте (в июле и в сентябре), продолжатся «реформы» по коммерциализации и бюрократизации системы образования, вырастет инфляция. Сейчас режим (утративший часть доверия и легитимности у населения) раздаёт всем предвыборные обещания, большая часть которых очевидным образом не будет выполнена. И вот тогда волна социального протеста — наподобие движения 2005 года против монетизации льгот — срезонирует с политическим недовольством образца декабря 2011 года.

Анархистам и социально-революционным активистам важно уловить эти тенденции и артикулировать их в общественном сознании, отмежевавшись от ответственности за крах нынешней уличной волны. Не «перевыборы» с сосредоточением всего огня критики на одном Путине и на одной из партий жуликов и воров, и не политические игры с властью (в качестве подручного у либералов и националистов), а революция, самоуправление и прямая демократия, атака на базовые принципы существующей системы и выдвижение социальных лозунгов — от умеренных и «оборонительных» (нет либеральным реформам ЖКХ и образования) до более радикальных и наступательных (социализация и захват явочным порядком различных сфер жизни и производства) — такая повестка дня может вывести нас из нынешнего гетто и сделать нашу позицию важной частью общественного движения. Как говорил ещё Кропоткин, главное в революциях происходит ещё до их начала: ясное осознание образа желаемого, наступательность и активность, соответствие радикальных средств радикальным целям, умение порывать с инерцией настоящего, неучастие в чужих играх. Тогда нам не будет стыдно за свои действия.

Андрей КУТУЗОВ, лингвист, либертарный коммунист
(Тюмень)

На мой взгляд, совершенно очевидно, что протесты должны принять социальный характер вместо чисто политического. Абстрактные проблемы вроде «честных выборов» или «свободы собраний» волнуют пока, к сожалению, меньшинство населения. А вот повышение тарифов ЖКХ, инфляция, безработица, коммерциализация медицины и образования — это волнует всех. Причём эту проблематику «добавлять» специально даже не нужно. Она и так появится сама собой, в результате кризисных процессов в мировой экономике и судорожного оттягивания путинским правительством момента принятия непопулярных решений до «после выборов». Вопрос в том, чтобы было кому сформулировать эти проблемы

читай дальше

редакторы номера:
Вера Бредова, Влад Тупикин
оформление:
Николай Олейников
корректура:
Лена Дудукина

и требования по их решению. Тут, конечно, должны выйти на передний план различные левые движения.

Андрей ЛУКЬЯНОВ, арт-директор, антиавторитарий

(Москва)

Мы находимся в патовой ситуации. Протестующие не хотят двигаться в сторону более серьёзной конфронтации, с другой стороны, власть не хочет и не собирается уходить. Импульс может быть один — акции мирного гражданского неповиновения. Но большая часть пришедших на Болотную и Сахарова явно не готовы к этому. Весна покажет, может быть, результаты новых выборов ещё сильнее разозлят людей.

Новую проблематику подкинет кризис. Кризис во многом даже мировоззренческий для западного мира. А мы в то же время становимся опять главным мировым поставщиком нефти и газа. Если нефть упадет до 70, при бюджете 108 за баррель, повестка сформируется сама собой. Моё мнение, что критика сложившейся экономической системы (это и путь борьбы Навального с коррупцией, и критика экономического законодательства, и многое другое) может быть более эффективной. Возможно, что лозунг «Долой грабительский процент по кредиту и ипотеке!» сможет поднять людей так же, как «За честные выборы!». Своя рубашка ближе к телу.

Вера УВАРОВА, переводчик, соцдемократ

(Петербург)

Участники митинга должны получить рекомендации о том, что они могут делать сами, чтобы изменить то, что они хотели бы изменить. Им нужно предложить, а затем помочь организовать какие-то низовые объединения (например, по территориальному признаку). Если возможно — так сказать, «дать задания» людям, которые они могли бы выполнить и таким образом оказаться участниками общего движения. Эти задания не должны быть бесполезными, и нужно, чтобы потом был виден общий результат этой совместной деятельности.

Егор, анархист, трудящийся

(Московская обл.)

Угроза затухания протестов после 4-го марта очень и очень вероятна: в феврале, несмотря на рекордное количество протестующих в столице, резко упала численность провинциальных митингов. Всё дело в невероятной упёртости политических активистов — лозунг о «честных выборах» уже не воспринимается всеми протестующими как актуальный. Часть митингующих понимают, что выбор хозяев честным быть не может. Если следующие акции пройдут уже под чётко антипутинскими лозунгами, поднимут социальные проблемы (отмена ЕГЭ, снижение тарифов на ЖКХ) — тогда декабрьская революция не выдохнется.

Ольга НИКОЛАЕВА, независимый исследователь-социолог, студентка (получает второе высшее), также работник консультационных фирм, придерживается антинационалистических и левых взглядов

(Париж)

Мне кажется, нужно обозначить такую проблематику, как рефлексия в отношении использования публичного пространства. Сейчас мы наблюдаем, как те или иные участники стараются захватить это пространство через доступные каналы. Тем не менее, с одной стороны, многие участники митингов высказываются за то, что представительство их интересов кем-либо из заявивших о себе групп — невозможно. А с другой стороны, оставаться без «организации» перед лицом подавляющих, уже организованных групп — тоже непросто. И «низовая демократия» ещё тоже не всем понятна :)

Поэтому я задаюсь вопросом о том, можно ли развивать рефлексию среди всех участников о правилах политической борьбы. То есть вместо того, чтобы быть захваченным борьбой за позицию в политическом пространстве, нужно переопределять правила, по которым ведётся эта борьба. Иначе получается, что люди, выходящие на Болотную площадь и на проспект Сахарова (а также на площадь Бобур в Париже и другие площади в других городах), оказываются не в состоянии отстоять своё гражданское право на голос, если этот голос должен — по правилам сегодняшней политической игры — быть присвоен какой-либо из существующих политических сил.

Это касается не только выборов 4 марта, но всего политического процесса в целом. Думаю, нужно больше обсуждения и предложений по этому вопросу в публичном пространстве — для развития критического отношения к заявлениям о «выражении общих интересов» одной лишь группой и для развития коммуникации между различными точками зрения.

Данный ответ есть моя личная точка зрения на роль формализации и легитимизации и интерес к опосредованию как процессу. Но мне кажется, что брошюра, которую мы сделали к 4 февраля («Как защититься от политических манипуляций»), тоже поднимает эту проблематику.

Пётр РАУШ, безработный, анархист, политический беженец из России

(Timrå, Швеция)

К протестам необходимо добавить проблематику ЦЕНЫ человеческой жизни, УБИЙСТВ, осуществляемых властью, — и ОТВЕТСТВЕННОСТИ за эти убийства.

Александр РЫСЕВ, айтишник, анархист
(Москва)

А никакой искусственный подъём проблемы не поможет, пока проблема сама не коснётся всех. Вот с выборами так произошло — народ и повалил на улицу. Начнётся, к примеру, новая волна кризиса, пойдут массовые увольнения, сокращения з/п и т.д. — может, снова повалят. А пока другого повода для массового объединённого протеста у людей и нет — на различные реформы образования и здравоохранения почему-то всем плевать, другие проблемы касаются каких-то узких групп и слоёв населения. Так что останется только либо искусственно подогревать имеющийся политический протест, либо ждать очередного повода.

Александр МАЙШЕВ, редактор СМИ, анархист
(Петербург)

Думаю, что людям, недовольным сложившейся в РФ политической системой, необходимо понять тот простой факт, что власть только кажется таким нерушимым колоссом, а на самом деле основа её — лишь малодушие, пассивность и беспринципность значительной части народа. Последовательные, нарастающие массовые протесты должны перейти в кампанию гражданского неповиновения нынешнему режиму. Этого путинская «вертикаль власти» не выдержит.

Елена МАКСИМОВА, работница в сфере культуры, феминистка
(Москва)

Это не моя «революция». Да, я принимаю в ней участие, но это не моя революция. Не знаю, как кому, но мне нужно, чтобы в протестах звучали слова: «Любому насилию можно сказать „НЕ", и прежде всего любому насилию над женщинами надо сказать „НЕТ"». Прекрасно понимаю, что с точки зрения большинства (особенно, если это большинство мужского пола) мои претензии неполитичны, не к месту, не проблемны. Тем не менее, именно это нужно мне. Потому что мне нужна глобальная революция, не революция а-ля «пойдём возьмём смольный» (или сейчас кремль), а революция, полностью изменяющая сознание общества. Мне (как, впрочем, и другим феминисткам) всё равно, кто у власти: красные, белые, зелёные, оранжевые, чёрные, левые, правые, либералы, потому что мачизм есть везде, и кто бы ни был у власти, мачизм будет процветать. Фертильность женщины, сексуальность женщины будут контролироваться, а значит, будет контролироваться и всё остальное. Как рассказывает бразильская министр по политике женщин Элеонора Меникуччи: «„Левое движение" насквозь мачистское». Революционеры (причём неважно, какие) никогда не назначают женщин на руководящие посты, если только женщина полностью не превратится в мужчину. Женщина нужна только как обслуживающий персонал, не более...

Ту же Меникуччи, когда пытали, приводили к ней её дочь, а вот к её мужу девочку не приводили. Женщину будут пытать с помощью её же детей, мужчин — никогда, потому что в нашем обществе считается, что женщина — это матка, а мужчина так, погулять вышел, он никакого отношения к каким-то там детям не имеет, это же не статусно. Точно так же поступали бы и революционеры.

Женщин насилуют везде, причём не только «враги», но и свои же. Для примера можно взять тот же Оккупай америк., да что там Оккупай, в своих палестинах этого хватает. А самое главное — контроль над сексуальностью женщин ещё и служит разменной монетой для противостоящих сил: правые говорят — понаехавшие насилуют наших женщин, значит, правильно, что мы их убиваем, мы же защищаем свою собственность (при этом запросто насилуя своих же подруг), левые говорят — мы за свободную любовь, и под лозунгом свободы точно так же насилуют своих подруг; только ни тем, ни другим не интересна сама женщина, им нужен только контроль над ней.

Так что неважно, кто у власти, — женщина всегда несвободна. Поэтому для меня есть только одна революция — феминистская, и никакой другой быть не может.

Да, я могу потребовать вернуть выборности губернаторов, сокращения численности полицаев и пр., и пр., но лично мне, а равно и другим женщинам, это не принесёт свободы.

Единственное, где я нахожу точки соприкосновения и хоть как-то могу сказать, что это и моя революция, — это в требовании защиты природы и прекращении превращать всё и вся в ресурс по выкачиванию денег, в требовании развития экологического сознания. Хотя последнее тоже сравнимо с феминистской революцией по своим задачам...

Мария ЧЕХОНАДСКИХ, теоретик, куратор, художественный критик, со-основатель и член Союза Творческих Работников, активист движения «Occupy Moscow»
(Москва)

Мне кажется, что будущее протестного движения во многом зависит от результатов выборов, поэтому пока сложно делать какие бы то ни было прогнозы (особенно относительно требований). Однако уже сейчас понятно, что необходимо разоблачать мифоло-

читай дальше

Что сделать, чтобы протесты не затухли после 4 марта (окончание)

гию «бунта среднего класса», именно эта мифология дискредитирует движение и даёт основания для победы нового популистского курса правящего режима (наверное, все уже ознакомились с последней статьёй Путина о социальной политике). Игра на различиях «бедной провинции» и «зажравшейся Москвы» — хитрая манипуляция, которая может иметь далеко идущие последствия. Соответственно, нужно больше говорить о социальных и экономических проблемах, выдвигать альтернативы, артикулировать точнее композицию движения, находить способы достучаться до протестующих, ну и в целом, необходимо повысить градус радикальности. Но, боюсь, что официальная трибуна не в состоянии этого сделать. В общем-то, именно либералы ответственны за распространение идеологии «среднего класса», они не стеснялись говорить от лица всех протестующих. И в этом смысле становится также очевидно, что после выборов протест может размежеваться, что естественно для такого монструозного движения, где сосуществуют правые, либералы и левые. Рано или поздно такие вещи происходят. Я надеюсь на более активное участие гражданской курии и других независимых инициатив, в том числе левых, которые смогут артикулировать основные проблемы и противоречия существующей политической и экономической системы.

На вопрос «Воли»: «Какой новый импульс, какую новую проблематику нужно добавить протестам, чтобы они не затухли после 4 марта?» — я решил откликнуться статьёй.

Роман ОС(Ь)МИНКИН, поэт, журналист, активист (Петербург)

С одной стороны, вопрос помещает телегу впереди лошади: нужно ли умозрительно создавать «проблематику», когда сама реальность ставит перед нами такие проблемы, о которых два месяца назад никто бы не помыслил как о самых насущных. Ещё в ноябре требование «честных выборов», наряду с ритуальными камланиями за соблюдение 31-й статьи Конституции РФ о свободе собраний, могло стать повесткой разве что для некоторых активистов несистемной оппозиции. Сегодня же оно, как говорится, «овладело умами масс», которым одного его уже недостаточно.

Но что это за «массы»? Это не абстрактный народ, приговская «махроть», а образованное активное меньшинство. Ему, а не фиктивной массовке на Поклонной, действительно «есть что терять», но оно на время оторвалось от профессиональных «пунктов пребывания в жизни» и задумалось, выражаясь словами Аристотеля, о благе общины. Эти люди имеют досуг, но всё-таки слишком заняты, чтобы перейти от «революций выходного дня» и требований «честности» к рутине каждодневной борьбы и участия. Но главная проблема – эти массы не имеют опыта гражданского сопротивления. Они постигают азы политической культуры протеста, что называется, без оглядки – вчера обыватель, а сегодня уже «новый сердитый».

Подобный кумулятивный эффект порождает субъекта, готового к протесту здесь и сейчас, но не обладающего собственным языком выражения последнего. А так как власть (традиционно в России) персонифицирована для такого субъекта в её главном носителе, то и диалог ведётся именно с ним и на его языке: любой путинский ляп, любые «бандерлоги» и «контрацептивы» моментально расходятся на мемы, мобилизуя человека-протестующего сильнее, чем сотни реальных проблем. Сама постановка проблемы становится в таком режиме нереализуема: глупо кричать «Вся власть советам!» или требовать «прямой демократии», когда вокруг тебя флэш-моб под шапкой «хутин пуй». Но и не кричать – ещё глупее. Праздник протеста (по сути, детский утренник) переживает первую стадию очарования собственной смелостью: то, что ещё вчера было нельзя, сегодня можно совершать публично и безнаказанно. Поэтому и закалённая несистемная оппозиция выглядит здесь угрюмо, как маргиналия на полях красочного комикса. Призывы всего спектра малых партий – от крайне левых до националистических – увязают в интершуме карнавальной инверсии языка власти и остаются равно не услышаны. Плюс в этом один, но зато жирный: если для рациональной или эмоциональной критики цинизм власти неуязвим, то негативная коммуникация – массовое трикстерство и игра с семантикой властного дискурса — прививают иммунитет социальному организму к хворям разной степени этатизмов. Общество, вдохнув воздуха

От протеста к участию, или Чем заняться после 4.03.2012

Борьба только начинается

свободы после назойливого «поднимания с колен», не готово тут же броситься в объятия новых идеологем, даже таких лобовых, как «Россия для русских».

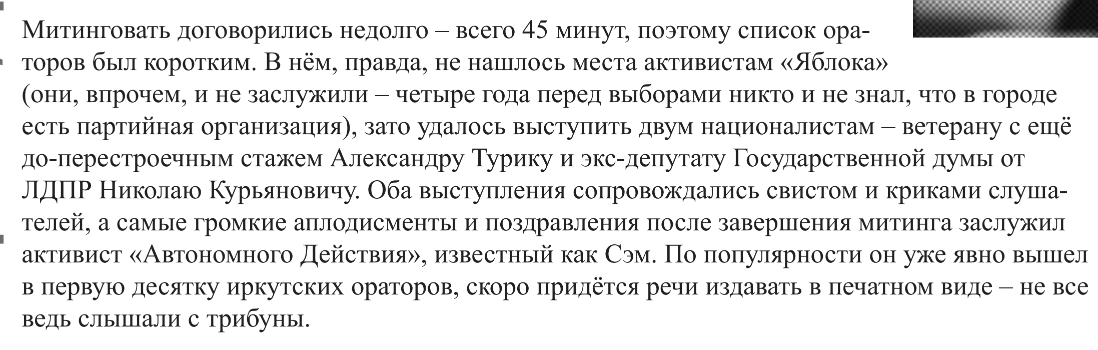
И вот здесь высвечивается обратная сторона вопроса: как новоиспечённому митингующему найти в себе силы пойти дальше своего «трикстерства», как продолжать? Чем питать ту незаинтересованную заинтересованность, которая вывела его – условного яппи или хипстера – на Болотную и Сахарова? Ведь эйфория от «бытия-вместе» (Арендт) улетучивается – площади пустеют так же быстро, как и заполняются. Но останется само это «вместе» – множественное социальное тело, имеющее опыт горизонтальной коммуникации, мобильной сборки и сопротивления инерции институтов власти. Упразднить эти институты оно не готово, но этого от него сейчас и не требуется. Кульбит гегелевских господина и раба – путь исторически тупиковый. Важно понимать: главный «тектонический сдвиг» произошёл 4 декабря – общество необратимо раскололось на две антагонистичные группы: «против Путина» и «не надо раскачивать лодку». После 4 марта этот раскол только углубится, в зависимости от степени «чурачеств». Но определяющим фактором будут не эти заведомые фальсификации, а уровень политической зрелости каждой из групп. При этом антиоранжистам, очевидно, проще – за них вся инерция государственной машины, тогда как за протестующих только их ничем не подкреплённое желание изменить порочный порядок.

Рядовой «протестант», обнаруживший разрозненные противоречия в своей повседневной социальной жизни и осознавший их не как злоключения судьбы или волю случая, а как продукт конкретных общественных отношений, уже сейчас остро нуждается в сетевых механизмах и моделях для сборки, наиболее соответствующих характеру и специфике этих противоречий. Он готов практиковать свою обретённую гражданственность вне репрезентации митинга, но попросту не знает, как.

И вот здесь уже от несистемной оппозиции нужны не импульсы и мантры, а набор этих самых сетевых механизмов и моделей для сборки социальных тел. Кто быстрее и эффективнее окажет реальную информационную, юридическую и техническую помощь, обучит и поддержит, тот и сможет рассчитывать на призыв под знамёна. И тогда не из идеологем, но из самой практики возникнут новые социальные организмы, основанные на чаемой самоорганизации, способные тактически уже в ближайшее время – каждый на своём участке «фронта» — осуществлять акты мирного гражданского неповиновения: бороться за контроль и прозрачность, проводить пикеты и акции, устраивать забастовки и бойкоты. И это уже немало. Рано или поздно новый гражданский актив, продолжая мирно неповиноваться, упрётся в потолок контроля и прозрачности этой власти, в саму её «вертикальную» природу. Ведь вертикальная власть никогда не бывает полностью подконтрольна и прозрачна, имея в самом своём первоначале «непристойное дополнение», «излишек», вызывая параноидальную подозрительность у каждого смотрящего на неё снизу вверх. И тогда на первый план выйдет стратегическая цель, которая должна маячить на горизонте, как заяц для гончей, – процесс покрытия страны ризомой альтернативной власти, так называемой «власти без власти»: самоуправляемых множеств, муниципальных советов, профессиональных союзов, градозащитных, экологических и других миноритарных движений. Эта цель никак не утратит своей актуальности ещё долго. Переподчинение реакционной сущности слагается из множества актов сопротивления. Борьба только начинается. И 4 марта – лишь её запятая.

ВОКРУГ ВСЁ МЕНЬШЕ ИДИОТОВ

Назвать митинг и шествие, состоявшиеся в Иркутске 4 февраля, подвигом было бы слишком громко. Но что-то героическое в прогулке по морозу в 22 градуса всё-таки было.

Василий Громов, фото автора

Митинг не побил никаких рекордов численности или продолжительности – на него явилось максимум 500 человек, полиция (которая могла считать поголовно всех, проходящих через рамки) настаивает на цифре 250 человек. В любом случае, спустя два месяца после выборов в Государственную думу и за месяц до выборов президента оппозиционные настроения не утихли. Зато разные городские группы в очередной раз перезнакомились друг с другом и наметили на 11 февраля собрание – есть план создания единой организации «Гражданский Иркутск», которая займётся не только подготовкой наблюдателей для предстоящих выборов, но и другими городскими проблемами.

Митинговать договорились недолго – всего 45 минут, поэтому список ораторов был коротким. В нём, правда, не нашлось места активистам «Яблока» (они, впрочем, и не заслужили – четыре года перед выборами никто и не знал, что в городе есть партийная организация), зато удалось выступить двум националистам – ветерану с ещё до-перестроечным стажем Александру Турику и экс-депутату Государственной думы от ЛДПР Николаю Курьяновичу. Оба выступления сопровождались свистом и криками слушателей, а самые громкие аплодисменты и поздравления после завершения митинга заслужил активист «Автономного Действия», известный как Сэм. По популярности он уже явно вышел в первую десятку иркутских ораторов, скоро придётся речи издавать в печатном виде – не все ведь слышали с трибуны.

Сэм поведал собравшимся, что, по версии полиции, все они экстремисты. Как и трое анархистов, задержанных в ночь с 3 на 4 февраля во время расклейки листовок. Раз требование честных выборов считается экстремизмом, то, стало быть, на площади – две-три сотни экстремистов. Слушатели приняли это «высокое звание» с полным согласием: если так надо – значит, экстремисты. И с не меньшим энтузиазмом поддержали и следующее заявление оратора: честных выборов не бывает, депутаты от оппозиции, не поддержавшие очередной митинг, такие же жулики и воры, как и их коллеги из ЕР. После такого выступления представительнице коммунистов оставалось только оправдываться, чем она и занималась все отведенные ей три минуты.

Из-за сильного давления на организаторов они согласились с самым странным маршрутом движения, какой только можно было себе представить: вместо проезжей части и центральных улиц шествие прошло буквально «по задним дворам» и только по тротуарам. В общем, зря мэрия на этом настояла: все убедились, что улицы в городе не убирают, и у нового движения появился ещё один пункт в списке претензий к властям. По дороге от дворца спорта «Труд», где прошёл митинг, до сквера имени Кирова, на котором стоят здания правительства области и мэрия, колонна выросла как минимум на несколько десятков человек – многие поджидали колонну в засаде в тёплых кафе и магазинах. В конечной точке шествия планировали запустить в небо метеозонд с прикреплённым транспарантом «Вова», но полиция запретила это делать. Тогда транспарант уложили на бутафорскую «крышку гроба» с надписью «Воровская власть» (этот громоздкий предмет тащили впереди шествия, превратив его таким образом в своеобразную панихиду по этой самой власти). Полицейские посмотрели, с каким азартом гроб и надпись снимают фотографы, и запоздало поняли: лучше бы его в воздух запустили...

Главной досадой участников акции стала леность иркутского отделения «Единой России» и Общероссийского народного фронта: свой митинг в поддержку Путина они организовать так и не решились. А ведь зря – чем больше таких митингов, тем меньше в стране людей, которые никак не участвуют в политической жизни. Именно на неучастии граждан держался до сих пор режим и всеми силами сужал поле, в котором граждане могли проявить свою активность: помните отмену выборов губернаторов, введение сити-менеджеров? В Древней Греции аутистов, не принимающих участие в жизни полиса, называли идиотами – у нас с каждым днём идиотов всё меньше.

Свистать всех наверх

Василий Громов

ты ему веришь?
я уже нет!

Объединение «Гражданский Иркутск», созданное группой активистов через социальные сети в декабре 2011 года, вышло на новую стадию развития: теперь это не виртуальная, а вполне реальная организация, собирающая всех желающих работать наблюдателями на выборах президента 4 марта.

Вечером 11 февраля в областной библиотеке им. Молчанова-Сибирского собралось более 100 человек. Это были люди всех возрастов от 18 до 70 (на глазок) лет; как члены политических организаций в спектре от анархистов до «Единой России», так и беспартийные; с опытом общественной деятельности, превышающим 50 лет, и вовсе без такого опыта. За собранием с интересом наблюдали чиновники из отделов по связям с общественными организациями правительства Иркутской области и города Иркутска.

Организаторы «Гражданского Иркутска» уже сейчас думают о будущем и предлагают всем гражданам, проявившим интерес к общественной работе, выбрать себе тему для деятельности. В Иркутске просматривается как минимум три направления: контроль за деятельностью городских властей в целом (включая посещение общественных слушаний и заседаний городской думы), состояние дорог (от которого прямо зависит аварийность и работа общественного транспорта) и работа управляющих компаний (заравшихся до такой степени, что даже официальные власти ведут с ними прямую и недвусмысленную войну за соблюдение законодательства). Граждане хоть и не возражают прямо против того, чтобы в будущем поработать и по мелким вопросам, но пока надо решить главную задачу сезона: провести выборы так, чтобы Путин не получил хотя бы лишних, фальсифицированных, голосов.

Наблюдателей из числа добровольных контролёров готовы обучить и принять в свои ряды три структуры: местное отделение «Справедливой России», городское отделение КПРФ и штаб Михаила Прохорова. Партии готовы организовать обучение и даже практические занятия, причём коммунисты учат в отдельных группах, сформированных по районам города. Это позволяет сразу наладить личные связи между гражданскими активистами и опытными наблюдателями от партии, а часть опытных партийных наблюдателей перебросить в пригородные посёлки, где качество гражданского контроля явно ниже, чем в областном центре. «Гражданский Иркутск», кстати, объявил мобилизацию водителей с личными машинами — в день выборов они будут развозить наблюдателей и журналистов по участкам, доставлять продукты тем, кто не сможет уйти с участка на обед, и даже пресекать попытки подвоза организованных групп с открепительными удостоверениями. Своё содействие обещало и местное отделение Ассоциации «Голос»: сообщения о нарушениях в день выборов можно будет отправлять на её почтовый адрес, чтобы они сразу отражались на федеральной «карте нарушений».

В целом, на собрании царило настроение лёгкой расслабленности. Иркутская область считается регионом, где нарушения если и были, то не массовые. Считается, что областная избирательная комиссия способна сама по себе обеспечить достаточно честные и прозрачные выборы и общественная инициатива тут — только демонстрация того, что граждане не останутся в стороне ни при каких обстоятельствах. На 18 февраля в Иркутске запланирован митинг «Единой России» и Общероссийского народного фронта в поддержку кандидата Владимира Путина — объём применённого по этому случаю административного ресурса может быть косвенным свидетельством того, насколько потерпевшая поражение в декабре «партия власти» готова взять реванш в марте.

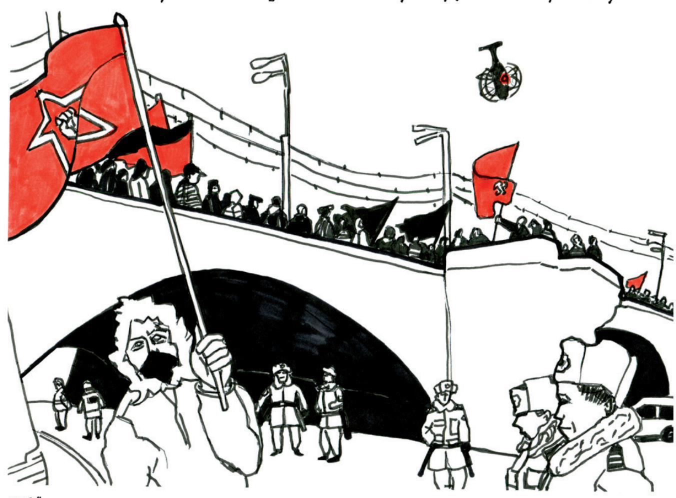
Хроника сопротивления *графический репортаж Виктории Ломаско*

После оглашения результатов выборов в Госдуму 4 декабря 2011 г. в Москве стали проходить протестные митинги. Таких массовых протестов не было с 90-х годов. Всеобщее разочарование и злость вызвали подтасованные результаты выборов в Госдуму, и в ещё большей степени — решение Путина стать президентом в третий раз.

5 декабря проходит первый большой митинг на Чистых прудах.
6 декабря власти разгоняют несанкционированный митинг на Триумфальной площади. «Нашисты», свезённые со всех городов, под охраной полиции били в барабаны и кричали: «Путин!» Ещё они помогали полицейским задерживать протестующих граждан. Многие были избиты, некоторые арестованы на сутки, особенно активные — на пятнадцать суток.

Жёсткие задержания несогласных, нежелание власти вступать в диалог с собственными гражданами вызвали ещё большее возмущение. Блоггерами была создана на Фейсбуке страница «Митинг за честные выборы», на которой зарегистрировались тысячи людей. Сам митинг прошёл 10 декабря.

С площади Революции на Болотную двинулись колонны коммунистов, анархистов, панков, монархистов, либералов. Среди митингующих было много представителей творческой интеллигенции, а также мажорных молодых людей, которых потом в Сети называли «хипстерами с Болотной» и «сетевыми хомячками». По разным подсчётам в митинге участвовало от 25 до 150 тысяч человек.

«Простого народа» было мало. Многие случайные прохожие сначала удивлялись, видя красочные колонны митингующих, но, прочитав лозунги на транспарантах, выражали своё одобрение. Проезжающие машины сигналили в знак поддержки.

Оппозиция выбрала своим символом белый цвет: белые ленты, белые шары. Блоггерами была придумана акция — дарить полиции белые цветы. Это было странно после постоянных избиений протестующих на несогласованных митингах.

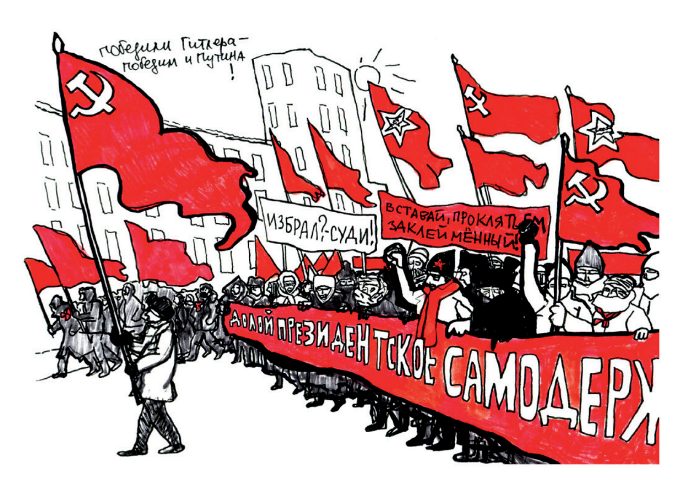
На втором большом митинге «За честные выборы» 24 декабря к оппозиции наконец-то присоединился народ — казалось, люди стекаются со всех улиц на проспект Сахарова. Активисты, неформалы, хипстеры затерялись среди самых обычных москвичей. На этот раз по разным подсчётам собралось от 29 до 120 тысяч граждан.

Люди внимательно слушали ораторов. Многие из них были освистаны, например, телеведущая Ксения Собчак, бывший министр финансов Алексей Кудрин и националист Владимир Тор.

Под конец митинга Дед Мороз из Устюга поздравил присутствующих с приближающимся Новым годом и пообещал, что в новом году Россия будет свободной от жуликов и воров. Также, как и 10 декабря, воодушевлённые люди расходились с митинга под песни Цоя.

Следующее протестное выступление из-за февральских морозов было решено организовать как шествие. 4 февраля колонны разных оппозиционных сил прошли по Большой Якиманке до Болотной площади. Колонна левых сил сияла под солнцем красными флагами.

Колонна националистов монотонно скандировала: «Москва — не Кавказ» и «Русский, значит, трезвый».

Снегоуборочную машину митингующие украсили флагами, лентами и революционными лозунгами. Людям уже приелись выступления оппозиционных лидеров, а вот песня десантников о Путине порадовала всех.

Что делать?

К дискуссии о повестке российских левых в условиях общественного подъёма

Кирилл Букетов

В живой полемике последних месяцев все левые политические группы мучительно пытаются определить своё место в современной системе политических координат. При этом многие одновременно обращают внимание на то, что эта система уже отжила своё. Пытаться найти себя в ней — это пустая трата сил, ведь в краткосрочной перспективе у демократических левых нет никаких шансов победить. При любом исходе голосования 4 марта мы — в проигрыше. Этот день может стать праздником авторитарной олигархии, ярых националистов, крайних либералов, тоталитарно-православных левых. Единственная группа, которая заведомо находится в абсолютном проигрыше и потому вынуждена метаться в поисках наилучшего для себя вектора действий, — это демократические левые, не обладающие ни организационным единством, ни общей программой, ни общепризнанными лидерами. Вместо этих, не имеющих перспектив и смысла метаний, необходимо начать моделирование новой системы координат, такой, в которой у нас есть своё место.

статья ранее выходила на сайтах http://www.praxiscenter.ru/ и http://www.ikd.ru/

Такое моделирование должно учитывать новую реальность, в которой политические партии утеряли свою традиционную роль. Даже сам общественный подъём, в котором мы участвуем, никак с их деятельностью не связан. И парламентские, и непарламентские группы, и их вожди оказались на обочине этого масштабного движения, оно показало всю ограниченность влияния любых партийных структур на настроения масс, и потому пытаться действовать в их партийной логике — значит обрекать себя на такое же барахтанье на обочине.

Современный общественный подъем был подготовлен не политическими партиями, а целым рядом удивительных гражданских инициатив, очень разных по своей природе, но объединённых, как сейчас видно, общим стержнем — каждая из них выражает особую общественную потребность.

Всего несколько лет назад страна пребывала в депрессивном унынии. Уничтожение последних элементов публичной политики, свободы прессы, убийства известных журналистов и адвокатов, брошенные за решетку правозащитники и рабочие лидеры, распоясавшиеся бандиты, фашисты, покрывающие их менты — всё это нагоняло тоску и страх перед надвигающимся монолитом нового сверх-государства. Возникало ощущение, что бросают ему вызов только отважные, но обречённые одиночки. Единственным возможным приложением сил для левых было поддерживать социальные инициативы и свободные профсоюзы — последние бастионы, отстаивающие пространство для самоорганизации.

Но вот внезапно (и как будто бы в параллельном мире) возникло несколько проектов, стремительно набравших популярность благодаря чёткому обращению к обществу в целом, но и к каждому человеку, его чувству собственного достоинства в отдельности.

ХИМКИНСКИЙ ЛЕС собрал вокруг себя всех, кто устал от разрушения экологии среды обитания. Не задумываясь о причинах этого процесса, люди просто выступили в защиту своего права дышать чистым воздухом, а не углекислым газом. РОСПИЛ поразил смелостью, а потом и заразил всех идеей открытого противостояния коррупции. ГРАЖДАНИНПОЭТ (в одно слово с маленькой буквы) заново пробудил способность смеяться над тиранами. СИНИЕ ВЕДЁРКИ и группа ВОЙНА продемонстрировали, что за своё пространство можно и необходимо бороться: и на дороге — и в искусстве.

Мы можем разделять или не разделять политические мотивы (или их отсутствие) авторов и организаторов этих проектов, но нельзя не признать, что каждый из них был чётко и просто сформулирован и потому нашёл отклик у огромного количества людей, вызвав если не желание поддержать, то, по крайней мере, симпатию к целям, которые эти люди поставили. И поэтому именно они, а не руководители дискредитировавших себя партий стояли на трибунах массовых митингов в декабре и в феврале.

Менее известными с точки зрения общественной поддержки, но крайне важными для нас являются ДВИЖЕНИЕ 19 ЯНВАРЯ, которое бросило вызов самому отвратительному порождению государства — фашистскому отребью, а также МПРА — рабочие автомобилестроения, подавшие пример самоорганизации и успешно противостоявшие работодателям и призванным ими на помощь спецслужбам на предприятиях транснациональных концернов.

Именно эти и подобные им гражданские инициативы, а не политические партии подготовили общественный подъём. Протестные настроения были достаточно разогреты ими, но вскипели и вырвались из социальных интернет-сетей на площади после 4 декабря. За лозунгом «Честные выборы» скрыта далеко не просто обида за нечестный подсчёт голосов. За ним кроются совершенно нормальные человеческие желания — жить в такой стране, где человек ощущает себя в безопасности, защищённым от уличного насилия, вымогательства, полицейского и чиновничьего беспредела, всесилия спецслужб, где он может рассчитывать на достойное, человеческое отношение к себе и к своим детям, доступную и качественную медицинскую помощь, бесплатное образование, уважение к своему труду. Именно эти, традиционные для социал-демократии ценности стали осознаны обществом как потребность, за которую нужно бороться. Именно это, в первую очередь, вытолкнуло сотни тысяч людей на площади.

Опросы и анализ данных участников протестных акций в соцсетях показывают, что примерно 10 процентов из них обозначают свои политические взгляды как нетоталитарные левые. Это значит, что у демократических

Кирилл Букетов: Что делать? (окончание)

социалистов появилась (наконец) социальная база! Но вот только радоваться этому факту преждевременно. Впереди борьба с национал- и сталинист-популистами за умы и настроения активной части общества. В этой борьбе мы находимся в заведомо невыгодных условиях, не имея ни оформленной политической программы, ни организации.

Заявить о разработке такой программы, отражающей широкий социальный запрос, привлечь к этой работе все заинтересованные гражданские инициативы, отдав свободным и демократическим профсоюзам стержневую роль в процессе формирования широкого движения трудящихся, — первоочередная задача демократических левых.

Это и станет шагом к формированию новой системы политических координат, в которой рабочий класс и все трудящиеся получат шанс обрести свой собственный голос.

ПОРА РАЗОБРАТЬ КРЕМЛЁВСКУЮ АНТИОБЩЕСТВЕННУЮ ПОЛИТИКУ ПО ПУНКТАМ

София Калинина

Честно говоря, о выборах слушать уже ничего не могу и не хочу. Все прекрасно понимают, кто именно станет президентом после 4 марта, неважно, в первом, втором или десятом туре, и что этот человек, имя которого произнести язык не поворачивается, намерен не слезать с престола, пока его не охватит старческий маразм. Это вовсе не значит, что подготовка наблюдателей никому не нужна, что отдавать свой голос на очередной всенародной перекличке всем, кроме главного кандидата, не стоит, и что от нас, простых смертных, не зависит ровно ничего. От нас как раз зависит очень многое, только бороться нужно на той территории, которая нам подвластна, а не на чужой.

На встречах так называемого «Гражданского совета», политических «курий» и тому подобных прекрасных недавно созданных аморфных дискуссионных площадок обсуждаются регламенты, там стараются дружить не без успеха националисты с либералами и левыми, и возникает впечатление, что многие действующие лица за последние десять с лишним лет разучились говорить, взаимодействовать и что у них нет никакого собственного видения будущего. Есть только выборы. И так как нас никто не спрашивает, чего же мы, собственно, хотим, т.е. какой политический курс нас устраивает и куда, на наш взгляд, должна развиваться страна, мы не стремимся дать на это свой ответ. Либералы что-то мямлят про демократию и правовое государство, националисты мечтают о фашистском заповеднике с демократической окраской, а чего хотят левые, я до сих пор понять не могу. Хоть тресни. Выигрывают на данный момент только националисты, которые раньше танцевали только на кремлёвской свадьбе, а теперь, напросившись в гости к демократам, были приняты, хоть и с треском, потому что они якобы перековались в приличных людей, при этом продолжая оставаться на балансе у кремлёвских начальников.

Надо признаться, что за последние два с небольшим месяца никому не удалось разработать альтернативные программы или даже просто какие-то общие видения нашего будущего или критерии, позволяющие отсеять от дискуссионного процесса тех, с кем это будущее точно покатится к чертям. Минимальным общепризнанным знаменателем стали требования отмены результатов думских выборов и проведения впредь выборов только честных, т.е. то, чего по определению в этой стране добиваться невозможно. Другой повестки дня по сей день и в помине нет. И это — главный провал гражданской оппозиции.

Но если попытаться направить разговор в более конкретное русло, то сразу станет очевидным, что с националистами говорить вообще не о чем и что либералам для общения на равных со всеми остальными мешает уверенность, что моральная истина на их стороне. Ведь они демократы. Но что такое демократия, никто не расшифровывает, каждый играет по своим правилам.

А может, пора одуматься и сформулировать то, что нас волнует в первую очередь? Без абстрактных формул, разбирая кремлёвскую антиобщественную политику по пунктам? Пора создать не антивыборную платформу, а социально-общественную. Качественное образование с рыночной автономией несовместимы. Оно должно быть общедоступным и направленным не на нужды небольшой элиты, а на пользу всего общества. Даже имея трудовой договор, работник не защищён от произвола работодателя или от низкой зарплаты. При этом растущее число граждан работает вообще без каких-либо трудовых гарантий в неустойчивых условиях (на Западе подобные условия труда людям тоже хорошо знакомы, их называют словом «прекариат»). Система здравоохранения развалилась давно и существует разве что в платных учреждениях, и там не всегда понятно, за что платишь — за лечение или всего лишь за право стать постоянным клиентом. Необходимо контролировать финансовые потоки — откуда они возникают и куда они уходят. Болотная нам в этом не поможет, но там можно хотя бы озвучить те вопросы, которые нас волнуют в ежедневной жизни, а не раз в четыре года.

Подорвут ли ультранационалисты «белую революцию» в Москве?

Репутации и успеху нового демократического движения в России угрожает его сотрудничество с правыми экстремистами

Д-р Андреас Умланд

Андреас УМЛАНД — доцент кафедры политологии Национального университета «Киево-Могилянская академия»; член Международного дискуссионного клуба «Валдай» и Института исследований Центральной и Восточной Европы г. Айхштетт, Бавария; главный редактор книжной серии «Soviet and Post-Soviet Politics and Society»

Статья ранее публиковалась в киевской газете «Зеркало недели» и на сайте http://geopolitika.lt

ПОВТОРЯЯ ранние явления российской новейшей истории, московские протесты декабря 2011-го привели к образованию альянса между российскими демократами и ультранационалистами. Несмотря на сомнительное прошлое последних, организаторы митингов позволили им не только принимать участие в демонстрациях. Несколько радикальных политиков-националистов, среди которых, например, пресловутый писатель Эдуард Лимонов, получили возможность выступить перед протестующими. Оправданием послужило то, что организаторы протестов видят свои митинги политически открытыми и демократически ориентированными. Исключение того или другого идеологического направления противоречило бы инклюзивному духу нового общенационального движения.

НО ВОЗНИКАЕТ вопрос, насколько ультраправые являются демократами, и как бы они повели себя, получив реальную власть. Правда, даже такие радикальные националисты, как Владлен Кралин (он же «Владимир Тор») и Илья Лазаренко, говорили в своих речах протестующим о необходимости политической либерализации, а также о свободных и честных выборах. Какими бы ни были адекватными такие заявления сами по себе, ультранационалистические верования и политическое прошлое ораторов наводят на мысль, что вместо путинского авторитаризма они вряд ли предпочтут либеральную демократию. Скорее можно предположить, что их идеальным режимом является не демо-, а этнократия, если не новый диктаторский режим, возглавляемый вождём, настроенным ещё более националистически и антилиберально, нежели Путин.

АНТИПУТИНИЗМ, по крайней мере некоторых ультранационалистов, правда, не менее решителен, чем у демократов, — или даже ещё более радикален. Но его питают другие источники, и он другого рода, нежели оппозиционные позиции либеральных, консервативных, христианских, социалистических, национальных и других демократов, которых объединило протестное движение. В то время, как союз различных демократов является естественным в сегодняшней ситуации, участие правоэкстремистов в антиавторитарном движении — противоестественно. Своим участием ультранационалисты уже сейчас, до определённой степени, дискредитировали российскую массовую акцию гражданского неповиновения.

ПРИМЕР с Ильёй Лазаренко, который выступил с обращением к массам на Болотной площади 10 декабря, иллюстрирует проблему. Лазаренко не только является бывшим главой фашистской микропартии Национальный Фронт, а также антихристианской языческой секты «Церковь Нави», которую некоторые наблюдатели называли «сатанистской». В 1997 году Лазаренко был признан виновным на одном из редких в то время антирасистских судебных процессов в публичной пропаганде ненависти и приговорён к полутора годам условного тюремного заключения. За два года до этого, в 1995 году, Лазаренко опубликовал статью под названием «Плевать на выборы — этот мондиалистский [т.е. американский] цирк!»

КАК И ВСЕ ультранационалисты, Лазаренко занимает амбивалентную позицию по отношению к демократии и выборам. С одной стороны, радикальный национализм позиционирует себя частично эгалитарным, так как считает всех полных членов нации равноправными. В рамках этого направления националистического мышления выборы и правление народа могут выглядеть как последовательная реализация националистической идеологии. Но с другой стороны, ультранационализм является эксклюзивным движением, так как он проводит чёткое различие между членами и не-членами нации (как бы она ни определялась). Более того, ультранационализм придаёт нации органицистский смысл, видя в ней не только чётко ограниченное сообщество, но и тесно переплетённый организм. Члены нации представляют собой клетки этого единого национального животного, которое находится в постоянной и даже смертельной борьбе с другими подобными организмами за власть, богатства, территории и т.д. С этой точки зрения выборы представляются излишней роскошью, если не нелепым ритуалом — «мондиалистским цирком», по словам Лазаренко. «Клеткам не нужно выбирать главу их организма. Кто является вождями и кто ведомыми нации — определяет сама природа. Фюрер непосредственно знает нужды народа и не причинит вреда нации, так как он (очень редко — она) является интегральной частью национального организма. Таким образом, нация сама по себе демократична и не нуждается в конкурентных выборах. Народ правит не с помощью процедур, но посредством прямой связи со своим природным лидером, который персонифицирует дух и душу нации».

«САМО СОБОЙ разумеется, что национальный организм не может быть толерантным по отношению к больным клеткам или чужим паразитам. В противном случае всему национальному организму может угрожать гангрена. Поэтому нация вынуждена вырезать из своего тела, а может и физически уничтожить все «нездоровые» или «неприродные» части — как бы болезненно это ни было».

В ПУТИНЕ и Ко некоторые ультранационалисты видят неадек-

ватную часть русского национального организма, от которой нужно избавиться. Путина нужно заменить на более «здорового» и «достойного» национального лидера. Естественно, при этом и речи не может быть о Президенте, русскость, стойкость и патриотизм которого находятся под сомнением, — какую бы электоральную поддержку эта личность ни получила. Также было бы нелогичным для России оставаться формально демократичной после ожидаемого прихода «адекватного» русского на пост лидера. Как только вступит в силу органическая демократия, и народное тело получит правильного вождя, напрямую связанного с национальным организмом, — в выборах уже не будет нужды. Выборы могут быть средством для установления правоэкстремистского режима, но они не будут его сутью, когда нациократия уже будет установлена. Этот сюжет иллюстрирует, насколько далеки друг от друга ультранационалистическое и либеральное понимание «демократии».

ОДНАКО в Москве сейчас, возможно, разыгрывается и совершенно другой сценарий. Старый режим явно заинтересован в том, чтобы растворить протесты без использования силы и создания мучеников. Возникает подозрение, что инфильтрация демократического движения неофашистами — будет или уже есть одним из способов Путина и Ко разделить, дискредитировать, сбить с толку и таким образом нейтрализовать протестное движение. Подобная «политическая технология» не стала бы новшеством. Ее использовал ещё умирающий советский режим в 1989-1991 гг. Тогда советское правительство преднамеренно создало и продвигало так называемую Либерально-демократическую партию Владимира Жириновского с целью подорвать растущее в то время подлинное либерально-демократическое движение. Хотя непосредственный эффект Жириновского был незначителен, ЛДПР в конечном счёте оставила свой след в постсоветской истории. Партия стала победителем первых многопартийных парламентских выборов в декабре 1993 и сыграла свою роль в подрыве попытки демократизации России в 1990-х. Например, присутствие и риторика ЛДПР в российском парламенте и

фото: Андрей ЛУКЬЯНОВ

Ультранационалисты Поткин с Крыловым: Подорвём «белую революцию»?

общественной жизни в 1994-м году способствовала принятию решения Президентом Ельциным отправить в декабре того же года федеральные войска в Чечню. В свою очередь, ельцинская авантюра на Северном Кавказе внесла значимый вклад в подрыв молодой российской протодемократии и подготовила почву для возвращения к управлению страной старых элит и структур в 1999-м. Таким образом, Жириновский — хотя опосредованно и с опозданием — всё же исполнил миссию своих крестных отцов 1989-го года. Сейчас мы, возможно, сталкиваемся если не с идентичной, то с похожей стратегией. Нынешняя неосоветская политическая элита, как и её советская предшественница конца 1980-х, находится под угрозой потери власти и ищет способы, как противостоять растущему демократическому движению. Сознательно или нет, ультранационалисты в российском гражданском движении могут сыграть на руку старому режиму. Их дальнейшее присутствие в рядах протестантов может привести как к расколу движения, так и к потере его реноме и однозначности. Оно также может послужить удобным поводом для подавления демонстраций властями.

В ОДНОЙ из статей Владимира Путина — а их сейчас становится всё больше — «Россия: национальный вопрос» («Независимая газета», 2012, 23 января) прослеживается одна из вероятных будущих пиар-стратегий легитимации продолжения путинского авторитаризма, которая частично напоминает ельцинские оправдания его недемократических мер. Одним из идеологических фундаментов российского самодержавия ближайших лет, видимо, станет защита общества и единства России от националистического вируса. И это несмотря на то, что Путин и Ко сами внесли немалый вклад в распространение этнических стереотипов и национальных предрассудков среди обычных россиян. Не только антипутинские ультранационалисты своими акциями подыгрывают этой новой стратегии Кремля. Демократы своей терпимостью относительно правого экстремизма, таким образом, также косвенно помогают кремлевским политтехнологам.

Репутация протестов за рубежом уже пострадала, а может испортиться ещё больше вследствие участия в протестном движении националистов с фашистскими связями. Можно только надеяться, что в дальнейшем российские демократы допустят к организации будущих митингов и особенно к публичным выступлениям только тех личностей, демократическая направленность которых не вызывает сомнений.

31 ЯНВАРЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ЦЕНТРЕ ARTPLAY В РАМКАХ ВЫСТАВКИ «MEMORY ART / ИСКУССТВО ПАМЯТИ 19 / 91» В ОБСТАНОВКЕ, ПРИБЛИЖЕННОЙ К ВНУТРЕННОСТЯМ ХОЛОДИЛЬНИКА (ЕСЛИ В ЗАЛЕ И БЫЛО ОТОПЛЕНИЕ, ТО ЕГО НАЛИЧИЯ НИКТО ИЗ УЧАСТНИКОВ И УЧАСТНИЦ СОБЫТИЯ НЕ ЗАМЕТИЛ), ПРОШЛА ДИСКУССИЯ «СИЛЫ И СЛАБОСТЬ ГРАЖДАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ».

Предметом дискуссии стал актуальный общественный подъём в России, его параллели и расхождения с событиями начала 1990-х годов, когда жизнь на улице и на дискуссионных площадках оказалась куда важнее кабинетных процессов. Обсуждали, каковы социальные и политические силы продолжающихся сегодня гражданских выступлений, насколько уместны сравнения новой массовой мобилизации с Перестройкой, каковы риски гражданского движения и как националистические и крайне правые группы могут его дискредитировать.

В дискуссии участвовали политолог и директор Центра «Сова» **Александр Верховский,** профессор «Вышки», историк **Вадим Дамье,** опубликовавший в НЛО здоровенный двухтомник об истории Анархо-синдикалистского Интернационала, историк и активист независимого профсоюза «Учитель» **Андрей Демидов,** социологи **Ирина Суркичанова и Ольга Мирясова,** журналист и участник общественного движения **Влад Тупикин,** правозащитник **Валерий Никольский,** активисты **Сергей Решетин, Ярослав Никитенко** и другие. Вёл дискуссию социолог **Александр Бикбов,** член редколлегии журнала «Логос» и некоторых других изданий.

«Воля» публикует избранные тезисы выступлений, прозвучавших 31 января.

Александр ВЕРХОВСКИЙ,
директор Информационно-аналитического центра «Сова»

Нынешнее движение протеста радикально отличается от движений периода Перестройки. Тогда у движений были определённые (пусть быстро меняющиеся и иногда фантастические) политические, скорее — идеологические, цели, сейчас протест в массе своей не имеет позитивной политической программы, кроме соблюдения политических прав и свобод. Нельзя даже сказать, что собравшиеся — за демократию, т.к. среди них есть её противники разного рода.

Что есть общего с перестройкой — это моральный пафос протеста. Но у протеста всегда есть моральный пафос, просто каждой новой волне протеста он представляется чем-то новым.

Такое состояние протеста связано с устойчивым разочарованием в политическом активизме как таковом, особенно, кажется, — среди людей либеральной ориентации. Хотя преимущественно негативное отношение к лидерам «своего» сектора характерно для всех секторов.

«Неполитическое большинство» (м.б., его надо назвать неидеологическим или ещё как-то) — преимущественно московский феномен, как и массовость протеста, что прямо взаимосвязано. Думаю, мы и говорим здесь об этом новом феномене, просто имея ввиду его «московскость».

«Неполитическое большинство» неявно угнетает всех политических активистов, или почти всех, по крайней мере — «старых». Хотя они и играют активную роль, а некоторые даже успешно манипулируют процессом, всё равно они вынуждены признавать, что они – не во главе.

О радикалах (по методу действий, вне зависимости от политического сектора). Пока протест был размером с «Другую Россию» (ту ещё, не нынешнюю), роль радикально настроенных активистов была решающей: без них никто бы «Другую Россию» не заметил. Это невероятно поднимало и значение соответствующих организаций, начиная с НБП.

При массовом протесте — да ещё с участием состоятельных и опытных в разных социальных инициативах и вообще в практический работе (в т.ч. в бизнесе) людей — эта роль резко снижается.

Пока ещё радикалы выглядят бодро, эксплуатируя «старые заслуги» и новые репрессии (по инерции направляемые против них), к тому же «неполитическое большинство» взирает на этих незнакомцев с доброжелательным любопытством, особенно в ситуации, когда политические и идеологические ориентиры оставлены за скобками. Идеальный пример всего этого — Сергей Удальцов.

Может быть, впереди какие-то столкновения с полицией, которые позволят радикалам снова набирать очки. Но при минимальном здравомыслии властей успеха тут трудно добиться: «неполитическое большинство» не хочет столкновений и если сочтёт, что виновата не полиция, то тут же отвернётся от «виноватых», а критерии «виноватости» у радикалов и «неполитического большинства» — совершенно разные.

Может быть, волна схлынет к лету, тогда просто всё вернется вновь через, допустим, пару лет. А может быть, и не схлынет. Тогда протестному движению придётся уже летом, если не раньше, хоть как-то определяться с целями, отличными от чуровской тематики. Заодно придётся приобрести более стабильные структуры. Вероятно, даже замаячит перспектива партстроительства. Короче, праздник кончится. И тогда уже точно встанет вопрос о каком-то размежевании.

Понятно, что движение может разделяться самым разным способом. Но в обозримом будущем либерально ориентированное «неполитическое большинство» так и

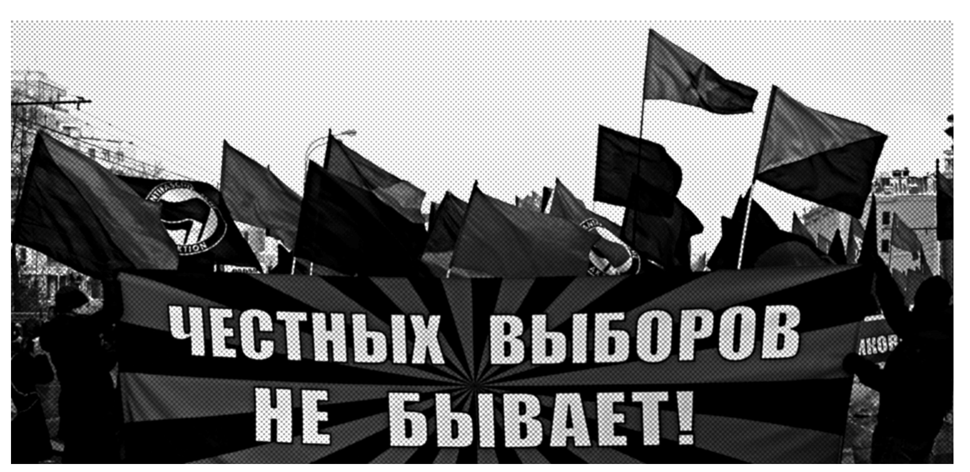

фото: Сергей Чернов и anatrrra

останется большинством, если так же массово не отойдёт снова от политики. А это значит, что отсекаться должны будут те, кто наиболее явно движется не туда и ведёт себя не так, как может быть приемлемо в движении, чей главный идеал — основные гражданские права в их либеральном понимании.

То есть критериев тут окажется два:
- идеологическое противоречие – сторонники всякого рода диктатур, пусть только в идеале, включая немалую часть крайне левых и крайне правых (а ещё исламисты имеют значение); отсечение будет вестись по заметным лозунгам и символам, т.е. кто-то сможет свои идеалы и скрыть (что многие левые в коммуникации с либералами и «неполитическим большинством» успешно делают уже сейчас и могут преуспеть и далее);
- поведенческое противоречие — агрессивные насильственные действия и призывы к оным, а также какие-то прямые, явные и неприемлемые для большинства покушения на права людей, в т.ч. на равноправие (например, призыв к депортации таджиков может «сработать» на отсечение, а к дискриминации ЛГБТ — будет сочтён допустимым недостатком).

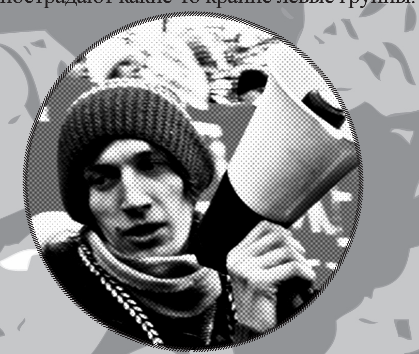
Я думаю, что движению лучше бы заняться отбрасыванием крайностей уже сейчас. Но, кажется, почти никто так не думает.

Исключением является дебатирование присутствия националистов. Ведётся оно, насколько я могу наблюдать, довольно демагогически, то есть без какого-то определения, кто и в каком смысле националист, а главное — что, собственно, неприемлемо и почему. В таком виде эти дебаты ни к чему не приведут.

Очевидно, что по крайней мере часть левых осознаёт амбивалентность перспективы «изгнания нациков», и потому и поведение левых — очень разное. В целом, левые могут, апеллируя к «неполитическому большинству», опираться на традиционное представление, что «Гитлер хуже Сталина». Какие-то успехи на этом пути возможны, так как левая интеллигенция — заметный элемент, но, скорее всего, успехи ограниченные.

Фокус в том, что навязать что-то «неполитическому большинству» довольно трудно из-за его неструктурированности. Его нужно убеждать. Кажется, опыт сравнительно мирного присутствия националистов на больших митингах плюс презумпция свободы слова у «неполитического большинства» уже создали ситуацию, когда аргументация на уровне «фашизм не пройдёт» и «Гитлер хуже Сталина» убедительной не будет.

Это означает, на мой взгляд, что тем левым, кто действительно озабочен перспективой роста влияния националистов (если не нынешних слабых лидеров, то каких-то будущих), стоит задуматься над тем, чтобы предложить или поддержать некие более универсалистские критерии отсечения, даже если при их применении пострадают какие-то крайне левые группы.

Андрей ДЕМИДОВ, *сопредседатель Межрегионального профсоюза работников образования, историк, социолог*

Стоит вопрос об участии в движении правых, в том числе, вопрос о слабом, недостаточном участии в нём реальных социальных инициатив. Прежде всего, профсоюзов, которые традиционно и в нашей истории, и за границей играли и играют в аналогичных протестах важную или ведущую роль.

Если нет профсоюзов, нет жилищников, экологов, то освободившееся пространство пытаются занять различные «ряженые» организации типа всевозможных «правых экологий».

Почему профсоюзы слабо участвуют?

Есть комплекс причин. Часто указывают на то, что рабочие в своё время привели к власти Ельцина и, обжёгшись тогда, теперь не торопятся подсаживать во власть Немцова и Ко. Отчасти верно, но, думается, причины гораздо более многообразны.

Есть, к сожалению, признаки «сознания гетто», когда профсоюзы разучились формулировать свои проблемы на общегражданском языке. Есть въевшаяся привычка сторониться всякой «политики», так как уже уяснено (и много раз, думаю, напомнили за последнее время), что за это «голову снимут». Поэтому выжидательная позиция, которая, конечно, играет на руку режиму и рождает всевозможные спекуляции (типа «тагильских рабочих за Путина»). Однако возможность слияния общегражданского протеста и требований профсоюзов существует — просто для этого надо начать встречное движение. Лозунг, который может объединить и тех, и других — «политическая забастовка».

На данный момент в России такое трудовое законодательство, что невозможна не только политическая, но и самая обычная экономическая забастовка. Это сильно осложняет работу профсоюзов, так как выбивает из их рук единственный действенный рычаг давления на работодателя, и профсоюзы пытаются изменить положение. Но не слишком удачно, так как сил и умений маловато. С другой стороны, гражданскому движению, думается, скоро станет ясно, что одними митингами и флэшмобами режим не свалить. Единственным исторически оправдавшим себя средством является забастовка (как в октябре 1905 года). А здесь без профсоюзов (рабочих) не обойтись. В итоге стратегическое соглашение могло бы выглядеть так, что профсоюзы расширят свои требования либерализации законодательства о забастовках до легализации «политической» забастовки (забастовки солидарности), а гражданское движение, которое сейчас объективно мощнее профсоюзов, поможет продавить эти требования через государственную машину.

Вадим ДАМЬЕ, *Институт всеобщей истории РАН*

Мой главный тезис, в общем и целом, таков: это не наша война. Прежде всего, по составу и психологии основной массы участников. Конечно, в регионах среди проте-

читай дальше

ствующих немало бедных людей, но в столицах это, в основном, как выразился один иностранный корреспондент, «люди без материальных проблем» — яппи, топ-менеджеры, офисная «рабочая аристократия»... Естественно, что им нет дела и не может быть дела до социальных требований и тем. Соответственно, подавляющему большинству трудящихся, особенно в регионах, где они получают в десять или более раз меньше, чем в московских офисах, и вынуждены бороться за выживание, нет никакого дела до чисто политических протестов в столице.

Тот, кто не учится на ошибках истории, обречён повторять их. Это в полной мере относится к тем из сегодняшних антиавторитарных левых, кто отождествил себя с лозунгами движения «за честные выборы». Они забыли о пагубности «чисто политических» лозунгов и игр вокруг того, как будут звать очередного господина. Они забыли, как в период Перестройки даже здоровые социальные движения (например, экологическое и движение за самоуправление в городских кварталах) сошли на нет и иссякли, когда бросились в политику и борьбу за власть. Кстати сказать, не лишне напомнить и о другом уроке истории: о том, как в 1993 году власти дискредитировали оппозицию, обвинив её в фашизме, поскольку та не дистанцировалась от ультраправых. Сегодняшняя оппозиция открыто заключила союз с неонацистами и тем самым легитимизировала их, превратив из нерукопожатных маргиналов в полноправного политического партнёра. Левые возражают, но покидать «единое» движение не собираются.

На мой взгляд, антиавторитарной левой стоило бы не размахивать флагами на подобных мероприятиях, выражая свою поддержку им, а вести работу «внизу», с обыкновенными рядовыми людьми, которых тоже иногда «заносит» на такие массовые митинги — работу, направленную на осознание социальных тем и вопросов и борьбу с национализмом. Ну и, разумеется, основное внимание следует обратить на «провинцию», на создание там основ социальных движений. До тех пор, пока судьбы общества решаются в столицах, Левиафана власти не только не убить — его не удастся даже сдвинуть с места.

фото: Сергей Чернов

Влад ТУПИКИН, *участник общественного движения, преподаватель истории, редактор газеты «Воля»*

Мне кажется, что в стадиях общественного движения во время Перестройки и сейчас, в последние годы, есть схожее. Проиллюстрирую примером. Регулярные еженедельные митинги начались в Москве весной-летом 1988 года. Сначала они проходили беспрепятственно, потом их стали разгонять, чем обеспечили приток к Пушкинской площади политически заинтересованных граждан уже не еженедельно, а ежедневно, там образовался своего рода Гайд-парк, где делились новостями, распространяли самиздат, дискутировали друг с другом сотни людей. Сотни, может быть, две-три тысячи — вот потолок московской независимой от властей политики в 1988 году.

Точно так же и в последние несколько лет в Москве все мы знали, что, если митинг проводят анархисты и антифа, они могут собрать 350-400 человек, если «Левый фронт» — 200-250, если митинг проводит «Солидарность» — 150-200. А если все-все вдруг объединяться, то от силы — 500-600. Ну, или полторы тысячи, если это митинг 19 января. Цифры почти те же.

И что происходило дальше в Перестройку? Дальше, в 1989 году, прошли выборы на Съезд народных депутатов, впервые за десятилетия — на альтернативной основе, со многими кандидатами на одно место, а не с одним, как раньше. Возбуждённые этими выборами и началом заседаний Съезда, которые транслировались на всю страну по ТВ, люди начинают митинговать действительно массово: по два-три раза в неделю в мае-июне 1989-го в Лужниках собирались на митинги по 70-80 тысяч человек. Новая реальность пробудила новых людей, не принимавших никакого участия в «старом движении» 88-го и 87-го года. Они и слушать, и знать не хотели «старых активистов» со всем их опытом, со всем их самиздатом. И, разумеется, не желая чужого опыта и не имея пока своего, быстро насовершали кучу ошибок, дали охмурить себя политической камарилье Ельцина, быстро сложили свои освобождённые голоса в чужой рупор, через который вещал один человек, один «вождь». Примерно то же самое происходит и сегодня.

Декабрь 2011-го пробудил для политической активности в Москве десятки, а по стране — сотни тысяч людей. И эти люди тоже не востребуют опыт «старых активистов», тех, кто митинговал в 2010-м, 2009-м и ранее. И эти люди тоже имеют склонность слишком уж доверять самопровозглашённым и подсказанным либеральной прессой «вождям». Отличие одно — сейчас есть блогосфера и социальные сети, которые дают шанс на бОльшую самостоятельность пользователей. Дают шанс, которым люди могут и не воспользоваться. И так же, как в 1989-90-м, так и сейчас, в начале 2012-го, у многих «старых активистов» одинаковые ощущения: успеть бы запрыгнуть на подножку последнего вагона этого нового движения, которое несётся всё быстрее и быстрее, и пока не совсем понятно, куда.

Единственный рецепт, единственное предложение, которое у меня есть и к «старым», и к «новым» активистам — это не передоверять принятие решений лидерам, участвовать и в принятии решений, и во всех событиях — лично. Как и сказал поэт Алексей Шепелев, слова которого вынесли на свои плакаты активисты «Студенческого действия» в Петербурге.

Ирина СУРКИЧАНОВА, *участница Независимой исследовательской инициативы*

Декабрьские события оказались неожиданными для всех. Несмотря на обилие информации в Интернете и печатных СМИ, оставался открытым самый важный вопрос: «Что вывело людей на улицы?». Непросто было найти ответы и на многие другие вопросы, например: «Кто все эти люди?», «Чем они занимаются?» и т.д. В ходе размышлений и обмена информацией родилась идея

Номер нашего кошелька в системе Яндекс-деньги:
410011275888490

исследования митинга 24 декабря на проспекте Сахарова.

Предложение о сборе информации о происходящих событиях, выдвинутое одним из будущих участников исследовательской группы, сразу же было поддержано многими молодыми людьми различных профессий: социологами, художниками, философами, экономистами, лингвистами. На митинг на проспекте Сахарова и акции против фальсификаций в Париже мы вышли с желанием понять, что происходит на улице. Позже, в январе, мы продолжили сбор информации, на этот раз в Петербурге и Саратове. Всего было собрано около 100 интервью у людей в возрасте от 15 до 80 лет. Почти половина опрошенных — это люди от 20 до 35-40 лет, значительно меньше среди интервьюируемых оказалось тех, кто младше двадцати. За редким исключением опрошенные нами участники митингов имеют высшее образование (или его получают). Почти треть из них — люди творческих профессий, другая треть занимается нематериальным трудом, значительное количество студентов разных ВУЗов.

Несколько слов о том, что представляет собой наш исследовательский коллектив. Т.к. он объединил людей разных профессий, мы решили отказаться от «узкосоциологического» названия, сойдясь на имени «Независимая исследовательская инициатива». НИИ, в отличие от титулованных центров опросов общественного мнения, функционирует на активистских началах и решает вполне определённые задачи. Среди этих задач, с одной стороны, и пока в перспективе — понять причины и механизмы мобилизации людей, предложить серьёзную аналитику происходящих событий; с другой стороны, и уже в процессе реализации — вернуть голос каждому из участников митингов, а не заглушать его «экспертными» объяснениями социальной действительности.

Одно из ключевых наших отличий от крупных исследовательских центров состоит в том, что последние, отрабатывая заказ, вынуждены учитывать пожелания заказчиков, оплачивающих их работу. Стараясь выполнить работу быстро, они используют общие вопросы (условно говоря, «на все случаи жизни»), эти приёмы дают возможность представить красивые цифры, но сами вопросы не отражают того, о чём в действительности размышляют люди, какие реальные эмоции переполняют их, толкая на улицы и площади городов. Например, на вопрос: «Какие политические взгляды вам наиболее близки?» в опросе одной из коммерческих компаний предполагались следующие варианты ответов: «антифа», «новые левые», коммунисты, социалисты/социал-демократы, «зелёные», демократы, либералы, национал-патриоты, другие, никто из них. Сложно представить себе человека, вышедшего на митинг впервые и причисляющего себя к одной или нескольким почти «профессиональным» политическим группам (вроде националистов или «новых левых»). Очевидно, что ответ «демократы», в данном случае навязанный большинству разработчиками анкетного опроса, пользовался наибольшей популярностью, потому что он являлся наиболее нейтральным и ни к чему не обязывающим. Реальную же противоречивость взглядов, которая наблюдается в высказываниях людей, опросы Левада-центра не могут выявить — в том числе потому, что пытаются получить ответы с помощью вопросов, которыми сами люди не задаются.

Так как одна из основных целей нашей работы — услышать мнения людей, пришедших на митинг, а также понять потенциальные возможности текущей гражданской мобилизации, то мы решили опубликовать первые её результаты в виде активистской брошюры-памятки — с тем, чтобы раздавать её 4 февраля на Болотной и потом 23 февраля на митинге в поддержку Путина. В неё мы включили ответы участников протеста на ряд волнующих как их, так и нас (прежде всего, как таких же участников митинга) вопросов и предложили свои краткие комментарии по поднятым митингующими темам. Свои высказывания мы оставили анонимными, так же как и высказывания наших респондентов. Тем самым мы хотели подчеркнуть свою близость к ним, дать понять, что мы — такие же рядовые участники протестов, которые всего лишь стремятся наладить информационный контакт.

Для нас также важно понять, как люди представляют себе сегодняшние события, с чем они их связывают. Некоторые из них высказывают надежды на увеличение численности митингующих: «Я думаю, что люди начнут больше общаться на эту тему. И даже если не будет перевыборов, то обязательно будет общение на эту тему и на другие политические вопросы. И ситуация сдвинется. По крайней мере, люди начнут об этом говорить и они увидят, что они не одни — их соседи, родственники тоже так думают» (Париж, женщина 27 лет, мигрант). Респонденты открыто говорят о том, что в стране есть недостаток информации и обман со стороны официальных СМИ: «Можно начать хотя бы с честных выборов... Но и средства массовой информации должны измениться. Вы посмотрите, что нам по первой, по второй программе показывают» (Москва, мужчина 60 лет, литератор). При этом некоторые из них начинают размышлять о новом самосознании: «Ну, разве не видите, люди начали ощущать себя народом и страну понимать как страну. Народ сейчас уже уважения достоин, потому что до этого это была масса» (Москва, мужчина 40 лет, гос. служащий). Важно, что многие перестали чувствовать свою изолированность и стремятся к самоорганизации и участию в политике. «Ну, вот с проявлением сознательности граждан, что они начнут понимать, что они платят налоги не для того, чтобы отдельные личности получали их как личное обогащение или спонсировали митинги тех же «нашистов» и ещё какие-то PR-акции, а для того, чтобы образование, здравоохранение каким-то образом становилось более качественным» (Москва, женщина 45 лет, работник фармацевтической компании, биолог). Как видно из приведённых цитат, для людей важна поддержка со стороны окружающих, они хотят объединяться и бороться с произволом властей, транслирующих им некачественную информацию с помощью карманных СМИ. Информационная ложь задевает настолько, что люди не в силах больше молчать. Некоторые отсылают к довлеющим антисоциальным реформам, разрушающим систему образования и здравоохранения. Все эти проблемы являются результатом задержки у власти определённой партии.

На данном этапе работы мы намерены не отступать от заявленных принципов и обращать внимание в первую очередь на мнения и настроения людей, выходящих на митинги. Сейчас многие люди стали действительно задумываться о политике, в то время как их соседи или родственники продолжают пренебрежительно заявлять: «Что, в политику ударился?». Но чувство собственной правоты у участников протестов оказывается сильнее уходящего в прошлое отрешения от политического. Гражданское самосознание набирает силу, люди начинают проявлять свою активность, порой робко и сомневаясь, всё ещё считая, что не они — основные двигатели исторического процесса. Несмотря на стойкие морозы, всё больше и больше людей выходят на улицы. И чтобы протест не пошёл на убыль, на наш взгляд, нужно говорить с людьми не с трибуны, не с помощью лозунгов, непонятных большинству, а стоя рядом в толпе, — говорить и стараться услышать их мнения.

Автопробег Москва-Смоленск «Свободу Таисии Осиповой!»

Репортаж Виктории Ломаско

Около шестидесяти активистов участвовали в автопробеге 15 февраля 2012 года.

Встреча участников акции в поддержку Таисии Осиповой проходила в два часа ночи недалеко от метро «Парк победы».

Там нас заранее поджидали две полицейские машины и джип с «эшниками» в штатском. Полицейские интересовались, какая акция затеяна на этот раз, а «эшники» сказали, что тоже поедут в Смоленск.

Желающих ехать вместе с сотрудниками Центра «Э» не нашлось.

Я ехала в машине вместе со Скифом, организатором автопробега; режиссером Димой; певицей Машей и девушкой Аней, ставшей активисткой после участия в последних митингах.

По дороге мы обсуждали, как эта и подобные акции в поддержку политзаключённых могут влиять на решения суда.

Смоленский суд. Одна из судей зачитывает кассационную жалобу адвокатов.

С Таисией Осиповой была установлена видеосвязь. Её не привезли на заседание, несмотря на то, что тюрьма, в которой она сидит, находится недалеко от здания суда.

Адвокат Наталья Шапошникова — одна из лучших специалистов в судебных делах, связанных с наркотиками. Нарушения, на основании которых составлена кассация, были выявлены ею.

В своем выступлении адвокат Светлана Сидоркина несколько раз подчёркивала, что дело Таисии Осиповой — политическое.

Неожиданно для всех прокурор Васильков попросил суд снизить срок заключения Осиповой с десяти лет до четырех.

Ещё более неожиданным стало решение суда. Удивлённые адвокаты пока отказались от комментариев: непонятно как будут развиваться события, может быть, радоваться рано.